

Отзыв официального оппонента
о диссертации Людмилы Юрьевны Астахиной
«Проблемы филологической достоверности источников
по русской исторической лексикологии» (Воронеж, 2016), представлен-
ной на соискание учёной степени доктора филологических наук (специ-
альность 10.02.01 – русский язык)

В вопросах, которым посвящена диссертация Людмилы Юрьевны Астахиной, ещё полвека назад не было той остроты, какую они приобрели к нынешнему времени. Крупные лексикографические издания исторического плана предписывают пристальное внимание к качеству огромного корпуса источников словарей и к качеству самих словарей как основы для построения исторической лексикологии и отправка материала для воссоздания истории языка вообще. Разумеется, подобные заботы стояли перед исследователями и издателями памятников всегда, поддерживаясь потребностями перевода «с древнего» и соотнесения текста с доступным историческим знанием, подчас эта тематика приобретала широкий резонанс, вырываясь за пределы узкопрофессиональных занятий (достаточно сказать о не угасающем по сей пору интересе к так называемым «тёмным местам» в «Слове о полку Игореве» с момента его опубликования), но лишь начало реализации таких масштабных научно-эдиционных проектов, как «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)», «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (далее: СлРЯ XI–XVII вв.), несколько позже «Словарь русского языка XVIII в.», показало истинную значимость проблемы.

Но если лингвистическое источниковедение, обращённое к старой письменности, в настоящее время осознаёт себя в русистике солидной дисциплиной, то аналогичное направление, имеющее дело с устным народным словом и занимающееся проверкой исходных данных для диалектной лексикографии, до сих пор даже некоторыми авторитетными лингвистами понимается не более как отыскание досадных курьёзов.

Однако отлившись в последние десятилетия в род деятельности, который можно назвать критикой словарей, это направление вплотную подходит к формулированию особого раздела теоретической лексикографии, в котором как одно из основных должно разрабатываться понятие качества диалектного словаря. Построения Л. Ю. Астахиной, опирающиеся на наблюдения в обеих упомянутых отраслях, не могут не заинтересовать и диалектологов.

В диссертации Л. Ю. Астахиной мне представляются важными два момента: во-первых, предложено осмысление предмета в историческом плане (предпринят подробный, не чуждающийся мелочей анализ и показ становления понятия достоверности и иных, сопряжённых с ним, понятий в развитии русского источниковедения и словарного дела) и, во-вторых, сделан заметный сдвиг от наблюдения отдельных фактов к выявлению закономерностей, то есть к усилению теоретического и методологического начал.

Словарь — научный жанр чрезвычайной важности. Это не только способ систематизации уже имеющегося знания, но и исключительно эффективный инструмент для получения нового знания. Из этого понятно, что на лексикографе лежит высокая ответственность. Погрешности в словаре чреватые крайне нежелательными следствиями — неправильной интерпретацией исторического факта, неоправданным упрощением или усложнением грамматической парадигмы, выявлением несуществующих связей в семантической системе языка вплоть до искажений этнической картины мира. Если говорить о реконструкции истории лексикона, то оперирование сомнительными данными может породить фиктивные этимологии; можно сослаться на разработки серьёзных этимологов, которые, доверившись, например, испорченным диалектным формам *поме-рédиться*, вместо *померещиться*, и *наперекрос* — о смене фаз луны, вместо *на перекрое*, ошибочно связали их с *méret* ‘злой дух’ (что повлекло ненужные «уточнения» о составе этимологического гнезда) и,

соответственно, *кресати* (см.: Этимология 1981. М., 1983: 65; Этимология 1988–1990. М., 1993: 42–43). Нужно сказать и о том, что сейчас, с применением в лексикографии электронных технологий, ситуация усугубляется появлением новых помех. Сканирование текстов часто, как мы знаем, приводит к нераспознаванию машиной сходных в начертании литер и умножению мнимых слов. Составление разного рода индексов, порученное электронике, приводит к тиражированию невыправленных ошибок, а при попадании их, например, в обратные словари — к неверному комплектованию того или иного словоизменительного класса, искажению статистики словообразовательных элементов, акцентных парадигм и т. д.

Отталкиваясь от анализа рукописных источников, от собственного опыта работы над историческим словарём и прибегая к осмыслению опыта лексикографов, имеющих дело с территориальными диалектами, Л. Ю. Астахина приходит к демонстрации принципиальной близости этих областей словарной деятельности и значительной общности их инструментария.

Диссертация отличается детальной структурированностью текста. Уже подробнейшее, на пять страниц, оглавление позволяет оценить логику, лежащую в основе построений и важную для автора «весовую» соотносённость категорий, применяемых в изложении. Существенное место в результатах работы, в которой полезно обобщается большой материал, как собственный, так и берущийся у других авторов, занимают наблюдения над истоками и причинами словарных погрешностей. Они суммируются в предлагаемой диссертантом классификации псевдослов (сс. 509–521), выделяющей 11 групп подобной лексики. Немаловажным представляется и обсуждение способов снижения субъективного фактора, влияющего на содержательность словарных картотек, рассмотрение путей к устранению лексикографических ошибок. Именно практическая сторона дела неотлучно находится в поле внимания автора.

Об общих характеристиках диссертации можно говорить и далее, но я позволю себе сосредоточиться на более конкретных моментах, близких моим собственным профессиональным интересам.

Следует, мне кажется, обсудить термин «псевдогапакс», предлагаемый в диссертации для обозначения регистрируемой в некоем тексте графической единицы, формально выделенной как графическое слово (/ словосочетание), которое не отождествляется ни с одним известным словом (/ словосочетанием) и с высокой вероятностью аттестуется как отсутствующее в системе языка. Я сознаю неполноту приведённой (моей) дефиниции, но абсолютная корректность потребует определения более пространного и елозливового; сказанного же достаточно. Сделаю лишь некоторые оговорки.

1) Выражение «графическое слово» нуждается в уточнении — ввиду того обстоятельства, что в источниках, по терминологии Л. Ю. Астахиной, «первичных» могут отсутствовать такие дистинкции, как графические пробелы справа и слева, но вторичные источники ими пользуются обязательно. Сама Л. Ю. занята главным образом именно графическими словами, отвлекаясь от идеи слова как двусторонней единицы — единства формы и значения, но специально этого момента не заостряет (впрочем, понимаю это не вредит).

2) К выражению «с высокой вероятностью» я прибегаю из осторожности: кроме случаев, когда отсутствие единицы доказано с абсолютностью, на практике среди единиц, представляющимися мнимыми, могут быть какие-то единицы, несуществование которых в языковой системе доказано не безоговорочно, а «почти», и допускается пусть крайне малый, но зазор («невероятно, ну, а вдруг всё-таки?»).

3) Наконец, важная оговорка насчёт «системы». Отклоняя мой термин «фантом» (и ряд аналогичных у других авторов), Л. Ю. Астахина пишет: «Если принять во внимание тот факт, что эти слова имеют „мате-

риальное“ выражение, что они *зафиксированы* в рукописях, публикациях, в словарях и картотеках, то есть *реально существуют*, то считать их призрачными, фантомами, несуществующими некорректно» (с. 357). Не могу согласиться. Наши ярлыки «мнимое слово», «призрак», «фантом», «*vox nihili*» и под. оценивают не самоё единицу в тексте (она материальна, и её физическое существование сомнению не подвергается), но её интерпретацию. Формы *вигнось* ‘виноградник’ в СлРЯ XI–XVII вв. и *пюгилма* ‘женское шейное украшение’ в «Словаре русских народных говоров» (далее: СРНГ) рассматривались как данность до тех пор, пока за первым из них не было К. Максимовичем увидено прочитанное ранее неправильно *виноградъ г<о>с<подь>нь* под титлом, а второе вашим покорным слугой не было восстановлено как заурядное *мониста*. Только после уточняющей интерпретации форма, вызывающая сомнения, но закреплённая в публикации, оценивается как фантомная. Такие формы, фиксируя неверное чтение, реально (т. е. физически) существуют в текстах «вторичных», по Л. Ю. Астахиной, источников (в данных случаях — словарей), но отсутствуют в языковой системе. Поэтому аттестации «призрачное», «фантом», вопреки Л. Ю., не являются «некорректными». Призрачна не единица текста (начертание), но единица чтения, интерпретации, понимания.

Взглянем на термин «псевдогапакс». Автор диссертации выбирает его потому, что он «однозначен, нейтрален по стилистической окраске, вписывается в систему лексикологической терминологии, значение его выясняется из составных частей слова» (с. 359). Однако последнее утверждение неосмотрительно. Опорный компонент термина — *-гапакс* — буквально означает «единожды». Тем самым термин «псевдогапакс» уместен только для ситуации, когда выясняется, что слово, которое до сих пор полагалось засвидетельствованным однократно, в действительности таковым не является. Иных признаков он не обозначает. Слова единичной встречаемости (а термин «псевдогапакс» предлагается именно для них) не обязательно являются «тёмными» (а термин «псевдога-

пакс» предлагается именно для них), они вполне могут быть прозрачными и по строению, и по смыслу. И напротив, неверное чтение, порождающее мнимые слова, в силу стандартных сбоев восприятия может повторяться (скажем, в диалектных записях, на которые опирается СРНГ, глагол *помститься* ‘показаться, почудиться’ по меньшей мере четырежды прочитан как *пометиться*). Поэтому используемый в диссертации термин я не нахожу удачным.

Далее я обращаюсь к замечаниям о суждениях автора, имеющих отношение к конкретным словам в памятниках, исторических и диалектных словарях. Мои высказывания касаются отдельных небольших сюжетов, по большей части носят характер комментария и на принципиальную оценку диссертации влиять не должны.

С. 168. Вряд ли применимость глагола *играть* к ‘истерическим припадкам, кликушеству’ (в Житии протопопа Аввакума) определена наличной в нём семой «зрелищность», скорее здесь имеется в виду, что поведение одержимого угодно дьяволу, ср. фразеологизм *беса тешит* (где глагол — из того же разбираемого Л. Ю. Астахиной ряда, что *играть*), а самим Аввакумом облюбовано выражение *бесовская игрушка*.

С. 361. Л. Ю. Астахина пишет: «В рукописной Приходо-расходной книге Антониева Сийского монастыря 1575 г.... читаем: „Шил мастер шестеры сапоги **сытцеловые**, дал от того могольца 6 алтын“ [ф. 5, оп. 2, № 1, л. 6 об.]. В книге далее встретилось несколько раз в подобных же контекстах слово **исцельные** (л. 29 — „шил мастер сапоги семеры ицелнии“; л. 47 — „дали Деонисию сапоги исцѣльные красные да подьячему дали исцѣльные ж сапоги красные“ и др.). В „Словаре русского языка XI–XVII вв.“ зафиксированы слова **исцеловый**, **исцельный** как определение к слову *сапоги* в значении ‘сделанный из целого куска кожи’ [вып. 6: 350]. Возможно, писавший не знал специального термина **исцеловый**, записал, как услышал, как запомнил, а может быть, это просто

описки, которая привела к появлению нового слова, „разгадать“ которое тогда не представилось случая вследствие единственного его употребления». — Мне кажется более вероятным за прилагательным *сытцеловые* видеть форму с двумя префиксами — *с-+из-* (*с-ыс-цел-*), ср. *сызнава*, *сызмала*, *сыздавна*, *сыскоса*, *сыспокоп*, *сыстари* (с графическим упрощением морфемного стыка), *сысполу* ‘на долевых договорных началах, разделив пополам’ и особенно диал. *сысполна́* ‘целиком’ (СРНГ 43: 174), в котором мы наблюдаем синонимичность корневого элемента корню разбираемого примера. Появление в записи графемы *т* (*сытцеловые*) вызвано, по-видимому, усилением смычного элемента свистящей глухой аффрикаты, компенсирующим ослабление второго сибиланта и носящим диссимилятивную природу. Пример должен быть реабилитирован.

С. 413. Не следовало воспроизводить конъектуру В. В. Шаповала относительно слова *либѣвый* ‘хилый, плохой здоровьем’ в словаре Даля (исправление Шаповала вызвано сомнением и сравнением с *лидина* ‘болезнь’ самим Далем). Прилагательное регистрируется в болгарском, сербско-хорватском, словенском (в виде субстантивата), чешском, русском, белорусском языках. Ему посвящена довольно обширная литература, частично приводимая в статье **liběvъjъ / *libivъjъ* [Этимол. сл-рь слав. языков (далее: ЭССЯ) 15: 70–71]. Соображения Шаповала, таким образом, оказываются избыточными.

Дальше Л. Ю. Астахина приводит многочисленные наблюдения Шаповала над «заглавными словами со знаком вопроса» в словаре Даля. Однако материалы у Шаповала в цитируемой статье 2009 года подаются не всегда с желательной корректностью, скорее «свалочным» образом, а эту манеру Л. Ю. надобным образом не комментирует.

С. 414. Без нужного комментария и у Шаповала, и у Л. Ю. Астахиной оставлены сомнения Даля относительно слова *пáмжа* ‘невзгода, беда’ (Даль отсылает к *пáмха* тихвин. новг. ‘беда, напасть’, тверск. ‘повальная болезнь’). Форма с *-ж-* неоднократно свидетельствуется разны-

ми диалектными источниками в значениях ‘плохая погода’, ‘дремота’, ‘беда, невзгода, напасть’, ‘болезнь’, ‘смерть’, ‘о чём-либо кислом; кислотина’, также в бранном употреблении, эквивалентно слову *чёрт* (*Памжа ведае, Ну тебя к памже*). Бесприставочная форма **тъѣа* незатруднительно реконструируется как элемент праславянского словаря на основе словенских, чешского, южнорусских ономастических свидетельств и апеллятивной лексики восточнославянских языков (в значениях ‘мгла’, ‘мелкий дождь, изморось’, ‘сырая погода с затяжными дождями’, ‘медвяная роса’, ‘тля’, ‘дремота’, ‘о чём-либо быстро исчезнувшем’, далее польск. диал. *mżota* ‘осенняя дождливая погода’ (ЭССЯ 21: 179; там же литература). Таким образом, далевская отсылка к *памха* необязательна. Основа **тъх-* (**тъха*, см. ЭССЯ 20: 211) семантически пересекается с гнездом **тъѣ-* (‘ржа на хлебе, болезнь колоса’, ‘мелкий дождь’, с приставкой **ра-* — ‘беда, напасть’, ‘изморось с туманом’, ‘слабость, недомогание’, в бранных употреблениях и др.), но носит самостоятельный, этимологически отличный характер. В любом случае необходимости апелляции к нему как оригиналу для формы *памжа* нет.

Сомнительное для Даля вятск. *зуркаться* ‘стучаться’ (он подозревает графическую порчу глагола *туркаться*, что подхвачено Шаповалом) подтверждается, однако, более поздними регистрациями в оханском пермском и в шушенском красноярском говоре (*Он зуркался в дверь* — СРНГ 12: 25, запись 1967 г.). Ср. также перм. *зы́ркать* ‘стучать’ (СРНГ 12: 39).

Форма *сукора́дка* / *сукора́тка* ‘лихорадка [? — А. Ж.]’, вызвавшая догадку Даля о чтении *-к-* на месте *-х-*, регистрируется неоднократно, но в иных значениях — ‘узел при неровном сучении ниток’, (мн.) ‘петли, образующиеся на мокрой верёвке’, ‘катышки грязи на теле’, дальнейшая метафора ‘вздорная, неуживчивая женщина’ (СРНГ 42: 211), так что сомнения в достоверности записей напрасны. Более того, отпадает необходимость не только в графической коньектуре, но и в подозрениях о

фонетических заменах вследствие трансэтимологизации основы.

С. 415. Курск. *сжу́питься* ‘съёжиться, сморщиться’ заподозрено Далем в испорченности: в качестве возможного оригинала он приводит *сжуриться* (тульск., без приведения значения, правда, рядом отдельной статьёй даётся *сжуриться* юж. ‘изгореваться, истосковаться, известись журясь’). Подозрения о подобных зависимостях по меньшей мере необязательны. Ср. рыбинск. яросл. *сжу́пить* ‘сжать, скорчить, съёжить, сморщить’ (СРНГ 37: 261), тамб. *жо́питься* ‘плакать, кукситься’, смолен. *жо́пка курья* ‘сморщенная бородавка продолговатой формы’ (СРНГ 9: 215).

Я должен отказаться от нескольких собственных поправок в словнике СРНГ, которые Л. Ю. Астахина цитирует солидарно.

С. 442. О форме *вы́рутить* ‘выбросить седока из седла (о коне)’ (в олонецком былинном тексте, записанном Рыбниковым). Увидев на той же странице СРНГ (6: 14) олон. *вы́рушить* с тем же значением в подобном же контексте, но в версии Гильфердинга, я решил, что передо мной префиксальное продолжение глагола *рушить*, в числе значений которого — ‘ниспровергать, низвергать’. Однако моя конъектура, по-видимому, всё же слишком тороплива: ср. *рути́ть* ‘ронять, неожиданно выпускать из рук’ (Сл-рь рус. говоров Карелии... 5: 585), олон. ‘лить, ронять [слёзы]’, нелокализованные *рю́тить* ‘толкать, пихать’, *рю́титься* ‘отталкиваться, пихаться’ (СРНГ 35: 274, 328), волог. *врю́тить(ся)* ‘втолкнуть’, ‘упасть в грязь’ и др. (СРНГ 5: 196) (см. мою рецензию на кн. В. Ф. Райана «Баня в полночь» // Славяноведение, 2008, № 2; см. также: Фасмер III: 523, 533; В. А. Меркулова. Диал. лексика и этимология // Этим. иссл-ния. 6. М-лы I–II научн. совещаний по рус. диал. этимологии. Екатеринбург, 1996: 24–25). Оба варианта — и рыбниковский, и гильфердингов — нуждаются в проверке.

С. 445. О записи *забёгник* ‘длинная верёвка у верхних «ушей» невода’ (тобольск.). Раньше я усомнился в точности регистрации, противоречащей морфонологическим стандартам русского языка, и привёл фор-

мы, расценённые как правильные, — сибир., амурск. *забёжник*, *побёжник* в тождественных значениях; ср. множественные регистрации прилагательного *забежный* в обозначениях частей невода. Однако встречаемость в диалектных записях форм типа *побёжный*, *пртягный*, арханг. *набегной*, *пристегной*, и даже *телёжной* ‘тележный’ (см. Обратн. сл-рь арханг. говоров) заставляет думать, что форма *забегник* не является фантомной и представляет собою результат морфонологического выравнивания словообразовательной парадигмы в узком говоре.

С. 449. О прилагательном *карний*: *ка́рнее молоко* ‘скисшее без заквашивания молоко, слитое в кадку на корм скоту’. Сейчас этот пример из числа фантомов я бы исключил. Моё предположение о смешении рукописного *д* в форме *каднее* (от *кадь*) с литерой *р* (ср. *ка́днее молоко* ст.-рус. ‘кислое молоко, которое накапливают в кадках’, арханг., волог. то же и ‘творог, сыр’) сильно ослабляется отмеченностью в говорах перехода [д'] → [р'], ср. сев.-рус. *сва́рьба* ‘свадьба’, а также *сва́льба* (СРНГ 36: 208–209, 215).

С. 467. О прилагательном в бранном выражении *кобель потясучий*. Сначала я предположил неверное чтение прилагательного *потягучий*, ср. диал. (на территории Латвии) *потягуха* ‘женщина лёгкого поведения, развратница’ (СРНГ 30: 327), семантически ср. *таскаться*, *потаск-ун / -уха*, *волочиться*, *волокита* и под. Однако теперь в надёжности собственной реконструкции я довольно сильно усомнился. Причиной тому — выражение *кобель потрясучий*, услышанное Л. Толстым в простонародной речи и использованное в драме «Власть тьмы» («А ни сь я. Сам ты кобель бешеный! Ни работы от тебя, ни радости. Только поедом ешь. *Кобель потрясучий*, право»), а в дальнейшем встречающееся в переписке Н. Лескова с почитавшимся им Толстым (этим выражением Лесков аттестовал юдофоба Буренина). Семантика прилагательного *потрясучий* в инвективном фразеологизме размыта. Остаётся гадать: зарегистрированное в СРНГ *потясучий* отражает фонетику источника или содержит

lapsus scribendi (пропуск буквы *p*)? И не использовались ли при формировании «Слов. карт. ИРЯЗ» (на которую ссылается СРНГ) опубликованные толстовские записи просторечных и диалектных выражений?

Не все лексические примеры, извлечённые Л. Ю. Астахиной из работ других авторов и приводимые в Пятой главе в качестве «псевдогапаксов», являются результатом ошибочного чтения, описки регистратора или неправильной лемматизации: среди прочих рассматриваются формы, которые вполне реальны, но возникли в результате «патологических» изменений в речи носителей говора или ошибочно трактованы составителями словарей. Например, в разборах А. Б. Страхова, который не всякий раз считает такие формы фиктивными и лишь объясняет механизмы их появления: *бухвѣльный* (результат стяжения *богухвальный*, отчасти, можно думать, из-за фрикативности [γ]), *бухвѣститъ* (из **богувѣститъ*), *вамлять* (из **воумлять* ‘вразумлять’, стяжение с утратой лабиальности корневым гласным), *вѣвет* (с неверно установленным значением), возможно, *греч* (в ложной членной форме *греч-от*) (вместо *кречет*: по-видимому, по неточности знания оригинального текста исполнителем песни), *зѣнуха* (метатеза консонантов в *пазуха*: из *запухи*), *зезл* (ассимиляция в *жезл*), *корѡмный* (из *хоромный*) и под.

С. 482. Предположение Страхова, касающееся глагола *пораздѣяти* (СРНГ 30: 38), следует решительно отклонить. На основании песенного контекста «Не с кем горя *пораздѣяти*, Не с кем горя поубавити» в словаре ему приписано значение ‘поразделить’. Доверившись этому толкованию, Страхов заключил, что «в Картотеке в слове *пораздѣяти* пропущено -л-, а в песне было *пораздѣяти* с передачей корневого ъ как [i]» (при таком чтении, однако, возникает странный акцентный рисунок). На самом деле глагольная форма воспроизведена в словаре аккуратно. Это подтверждается регистрацией девербатива *роздий* (*роздѣй* в олонечских записях Барсова: *И приберешь, моя родитель мила тетушка, И мои желты молодецкие кудерышки На доброумьце себе, на погляженьце*

И на роздий себе великоюй кручинушки), на которую Страхов внимания не обратил. В северных записях Барсова и Рыбникова неоднократно встречается глагол *роздѣять* ‘отвлечь от неприятных мыслей, воспоминаний, рассеять’ (*И сладкой водочкой его горе разделяли.* — СРНГ 33: 326), относящийся к гнезду слав. **děti* / **dějati*. Славянские соответствия глаголу *разде(ва)ть(ся)* ‘снять / снимать одежду’ реализуют значения ‘раскидать’, ‘совлечь’, ‘разрушить’, ‘уничтожить’ (см. ЭССЯ 33: 38–39), с учётом семантики префикса продолжающие значение индоевроп. **dhē-* ‘полагать, ставить, делать’. Специально случаю с *роздий* посвящён параграф в моей статье «Лексикографич. фантомы. 9» (// *Palaeoslavica*, XX / 2012, No. 1: 269–270).

С. 508. Л. Ю. Астахина воспроизводит пример лексикографической ошибки, которую как будто выявила Л. Л. Крючкова в словарной картотеке приамурских говоров Новикова-Даурского. Привлекая орнитологические термины *шилохвость*, *-стка*, она настаивает на том, что в записи *шалохвостка* ‘безделица, проводящая время в хождении по гостям, да в гулянке’ допущена замена буквы *и* в первом корне. Эта догадка мне не кажется нужной. Во-первых, слово *шалохвостка* — не орнитологический термин, а характерологическое название человека. Во-вторых, оба компонента благополучно используются в подобных сложениях, ср. *шалоброд*, *шалопуга* — *вертихвостка*, *мокрохвостка*. Решающим для отвержения догадки Крючковой является присутствие в картотеке СРНГ форм *шалыхвóстка*, *шалых’хвостка*. Кроме того, ввиду существования наименований лица *недел’ица* и *скородéлица* (СРНГ 21: 10; 38: 95) слишком запелляционной выглядит и корректура Крючковой для слова *безделица* в толковании (заменено постным *бездельница*).

С. 508–509. Ещё одно исправление Крючковой, которое цитирует Л. Ю. Астахина. Речь о приамурском (севернорусского происхождения) слове *шухобат* ‘беготня, суета, тревога’. Сравним его с формой (без территориальной пометы) *шухобот* ‘шум, беспокойство; всякое движение

толпы' у Даля (ср. также статьи *шухоботь* 'всякая дрянь, ненужные вещи', 'отходы от зерна, мякина' в Новгородском областном словаре, *шухоботь* 'шумная ссора, скандал', *шухоботить* и *шухоботиться* 'суетиться, хлопотать' в вологодском словаре Дилакторского и Словаре говоров Карелии), Крючкова сочла данные Новикова-Даурского ненадёжными: неправильное будто бы **-а-** на месте нужного **-о-**. Даже не обращаясь к этимологии слова, подозрения на его счёт можно ослабить. Издание СРНГ сейчас дошло к концу инициальной буквы **у-**, слова на начальное **ш-** только ждут публикации, свериться без обращения к картотеке сводного словаря нельзя, но в «Инверсионном индексе» к нему отмечена форма *шехобáт* (можно предположить, ввиду редкости структуры семантически близкая к затронутому материалу). Форму с **-а-** можно оправдать по-разному. Во-первых, распространены глагольные образования с тою же основой, но с другой префиксацией: *охобáчи(ва)ть* 'есть много, с жадностью', 'бить, стегать, хлестать', 'делать что-л. с усердием, быстро, ловко, хорошо' и др., *наохобáчи(ва)ть* 'побить, избить', *наохобáчи(ва)ться* 'наестся' (СРНГ 20: 58; 25: 42; 29: 201, в ст. **Помачивать**). Они регистрируются надёжно и позволяют думать, что проекция парадигматического, «прояснённого» под ударением корневого глагольного [á] ← [о] в структуру отглагольных имён, особенно с затемнённой этимологией, не исключается. Во-вторых, **-а-** на месте **-о-** в параллелях можно сравнить с вокализмом форм типа нижегор. и костром. *шухобар(ь)* 'дрянь, хлам' (в «Опыте областного великорусского словаря», 1852, и у Даля даются как синонимы к *шухоботь*) или перм. *шишебáк* 'отходы от вычёсывания овечьей шерсти' (Сл-рь перм. говоров 2: 554), которое, кстати, наталкивает на мысль об иной, чем у Фасмера (IV: 252: к праслав. **xabati*), этимологии. Новиковскую форму *шухобат* однозначно отвергнуть как фантомную я бы не отважился.

С. 513. Глагол новг. *упояхать* (СРНГ 47: 282) Л. Ю. Астахина причислила к «псевдогапаксам», усмотрев неверное чтение **-х-** на месте **-с-** и

сославшись на соседнее волог. *упоясать* ‘опоясать’. Её не смутило наличие здесь же статьи **Упояхаться**, которая основана на новгородской записи, сделанной несколькими годами ранее (в клишированном песенном тексте). Уже сама двукратная регистрация глагола (пусть с залоговыми различиями) снимает проблему «гапаксности». Но на деле основа с *-х-* свидетельствуется в словарях многократно — главным образом в говорах Северо-Запада: см. *за-, о-, под-, у-поях(ив)ать(ся)* (СРНГ 10: 351; 23: 289; 28: 148; Псков. обл. сл-рь... 12: 62; Сл-рь рус. говоров Карелии... 6: 622; и др.). Мне представляется, что причиной такой вариантности корня является чередовательная «двузначность» фонемы /ш/, присутствующей в парадигматических формах *опояшут, распояшется...* Искать более глубокие (историко-фонетические) причины параллелизма в данном корне вряд ли целесообразно.

Из мелких технических неточностей можно отметить несколько случаев неотслеженной замены в цитатах **Ѣ** на **е** (например, на сс. 176–177 в корне слова *потѣшение*). Форма **bava* — не «и.-евр.», а праславянская (диалектная); корректная запись индоевропейской реконструкции — **bhōuā* (с. 176). В возвратной частице праслав. **sę* не отмечена назальность гласного (с. 176).

Библиографические пропуски малосущественны, но из обстоятельности укажу на некоторые возможные дополнения. Например, анализ семантики гнезда *весел-* (сс. 178–179) можно усилить ссылкой на наблюдения, сделанные в докладе Н. И. и С. М. Толстых (// Слав. языкознание. XI Междунар. съезд славистов... М., 1993); как, кстати, разбор значений глагола *играть* (с. 165 и след.) — ссылкой на статью С. М. Толстой (// Этимология. 1997–1999. М., 2000). К полемике о др.-рус. *бдынь* ‘надгробное сооружение’ (сс. 376–378), наверно, стоило упомянуть и высказывавшегося по этому поводу О. Н. Трубочёва (// ЭССЯ 3: 112–113). Он этимологически связывает это слово с продолжениями слав. **bъděti*, в

частности болг. *бъдняк*, серб.-хорв. *bãdnjak* ‘рождественская колода’.

В моём отзыве прозвучало довольно много поправок или сомнений в точности иллюстраций. Может сложиться впечатление, что я делаю своей задачей выставить недочёты в тексте диссертации (если не заметить и критики в собственный адрес). Такое впечатление, если оно возникнет, ошибочно. Напротив, своими замечаниями я преследую прямо противоположную цель — показать, насколько сложны и трудны для анализа данные, с которыми имеет дело специалист, исследующий письменные памятники, и критик диалектных словарей. На фоне огромного словесного материала, к которому прикасалась в своей многолетней работе Л. Ю. Астахина (а приложенный к диссертации индекс лексических «фантомов» — «псевдогапаксов» в другой терминологии — включает более тысячи единиц), некоторое число разрозненных уточнений не может поколебать значимости её усилий по установлению меры информативности и достоверности исследуемых источников. В замечаниях, которые содержит мой отзыв, я прошу видеть не собрание указаний на упущения автора, а творческое коллегиальное обсуждение трудных моментов в совместном поиске истины. В академическом дискурсе я нахожу такой выбор единственно нормальным и плодотворным. Добросовестность подхода, как я её понимаю, потребовала уделить большее время диалогу с автором диссертации, чем эксплицитным одобрениям в его адрес, впрочем, вполне заслуженным.

Завершая отзыв, я отмечу, что актуальность проблем, к которым обратилась Людмила Юрьевна Астахина, очевидна: она, как я старался показать, исключительно высока и остра. Теоретические построения, на которых базируется диссертационное сочинение, конкретные соображения и практические рекомендации, делаемые автором (и адресуемые лингвистам, источниковедам, текстологам, литературоведам, историкам), подробно обоснованы. Цели работы в том ключе, который сфор-

мулирован автором, достигнуты. Автореферат и опубликованные статьи точно и полно отражают содержание исследования.

Диссертация, автореферат и публикации по теме диссертации соответствуют требованиям, предъявляемым п. 9 «Положения о присуждении учёных степеней» ВАК РФ, утверждённого Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, к работам, представленным на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык, и автор диссертации «Проблемы филологической достоверности источников по русской исторической лексикологии» Людмила Юрьевна Астахина достойна искомой учёной степени.

Официальный оппонент – доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института славяноведения РАН
Анатолий Фёдорович Журавлёв



Москва, 119991, Ленинский проспект, 32-А
inslav.ru,
тел. 7-495-938-17-80, факс 7-495-938-00-96

Москва 105062, Фурманский пер. 18–38.
Тел. 8-495-624-21-38
e-mail: afzhuravlev@yandex.ru

Подпись А. Ф. Журавлева

ВЕРНО: удостоверение Заведующая кадрами <i>Людмила Куренная</i> "14" марта 2017 г.
--